

БОЛЬШЕ НЕ БУДУ!

Сегодня ночью, впервые за последние лет пять, Лизе приснилась прабабушка. Тёплый осенний день... Баба Валя, как звала её ещё Лизина мать, быстро шагает по тропинке навстречу, весёлая и одновременно сосредоточенная, в своём обычном для буднего дня шерстяном коричневом костюме. Вот только выглядит далеко не на восемьдесят лет. Она красивая моложавая женщина. Густые чёрные волосы убраны в высокую причёску по моде семидесятых, взгляд спокойный и уверенный, глаза светятся трогательной искренностью и застенчивостью. Потом уже, утром, анализируя сон, Лиза вспомнила, что именно так выглядит прабабушка на небольшом чёрно-белом снимке, вклеенном в её детскую розовую анкету для друзей. Помните, были такие книжечки с вопросами о мечте, хобби, любимой музыкальной группе и фильме? Так вот, Лиза дала заполнить такую анкету не только девочкам-товаркам и одноклассницам, но и семье: маме, папе, дедушке, бабушке и прабабушке. Баба Валя ответила на все вопросы с присущей ей серьёзностью, написала внучке много добрых пожеланий, долго думала, какую фотографию дать. И нашла для анкетки эту... Наверное, специально, чтобы в памяти Лизы остаться такой красивой. Внешности прабабушка уделяла много внимания. Прекрасно понимая, что она красавица (ещё какая! В день её свадьбы назойливые кавалеры даже бежали с ружьём за праздничным кортежем!), почти до пенсии ходила в группу гимнастики при спорткомплексе,

старалась из простой вещи сделать что-то оригинальное, поэтому много денег на платья-кофточки никогда не тратила. И Лизе честно говорила, что хорошо было бы ей поправиться, когда та стала излишне худощавой девочкой-подростком. И вокруг тоже любила красоту. Волшебные пейзажи, копии известных картин (в памяти Лизы и “Утро в сосновом бору”, и “Охотники на привале”), старые иконы висели на стенах её квартиры. А какие коврики, покрывала делала сама баба Валя! И это всё при том, что искусственного культа красоты у прабабушки не было никогда. Каждое лето она жила в деревенском доме, работала на земле, не боясь больших и маленьких трудностей. Сколько раз рассказывала, как убила змею, как выпроваживала из дома цыган... О войне, которую встретила десятилетней девочкой, тоже не говорила пафосных слов, которые так любят произносить рождённые после... Баба Валя интересовалась всем новым, знала, что происходит в мире. С ней было интересно, непринуждённо, и разница в поколениях чувствовалась только, пожалуй, при взгляде на буфет прабабушки с неизменной красной вазой...

Когда в цветном сне прабабушка оказалась рядом, то они долго разговаривали о чём-то обыденном, незначительном, вроде бы и не прощались никогда... О чём — Лиза, хоть убей, так и не вспомнила. А вот после, деликатно коснувшись Лизиной руки, баба Валя тихо попросила: “Не делай так больше”. Это главное и врезалось в память. Чего не делать — вопрос не возникал. Когда тебя наставляет близкий человек — всегда понимаешь, с какой стати. Это то, из-за чего обвиняешь сам себя давно, с болью тупой, продолжительной. Пересматривая черновые страницы последних дней, Лиза не может простить себе ненужные компромиссы, дежурные улыбки, неискренность, предательство...

Прабабушка хочет, чтобы Лиза осталась той, какой она видела её в последний раз. Той, которая способна была любоваться первым снегом и игрой вечернего света в лужах, не спать ночами с кистью или карандашом в руках, мечтая стать лучшей, чем была вчера. Той, которая не боится высказать правду, влюбиться в недостижимого, узнать неизвестное. Или отлично — или никак. У неё же сильный характер, она упрямая, иногда даже слишком. А баба Валя любит таких, непокорных...

Она и сама была такой. Кому-то казалось даже грубой. Лиза хорошо помнит то летнее время, когда она, семиклассница, неожиданно попала в реанимацию. Внезапно и непредсказуемо (ну, подумаешь, прыгала с турника, как и все дети!) открылось внутреннее кровотечение. Конечно, ни сама Лиза, ни её родители не поняли сразу, почему так сильно у неё болит живот. Да и рассказала она им не сразу — опять же характер, терпеливая. Операцию делали, когда счёт времени уже шёл на минуты. Слава Богу, спасли. Когда перевели из реанимации в обычную палату, все родственники боялись дотронуться до неё — такое пережила! А баба Валя не вздохнула горестно, не плакала над кроватью (хотя дома, было видно — выдавали глаза, — не спала ночей), а бодро рассказывала о погоде, о “Славянском базаре”, об огороде... Родители потом жаловались: “Она что, не переживает?” А прабабушка переживала горе, радовалась выздоровлению, но прекрасно знала, о чём нужно говорить с больными.

О том, что баба Валя умерла, Лиза узнала только через несколько дней. В телефонном разговоре родители не сказали, не желали сильно беспокоить дочь-первокурсницу. Было странно, почему они поступили так... Лиза ведь из-за этого не была на похоронах родного человека. Когда приехала на выходные в родной город из столицы, увидела на перроне своих родителей и своего тогдашнего кавалера. Они подбежали, как-то скомканно поздоровались и сообщили, что прабабушки больше нет... Когда Лиза возвращалась с вокзала с Сергеем, проплакала всю дорогу... И дома, слушая своих любимых “Би-2”, тоже не могла сдерживать слёзы. Родители же сочли музыку оскорблением, снова не поняли её. А Лизе просто чем-то нужно было заполнить мысли...

Первый раз прабабушка приснилось ей, двадцатилетней, когда нужно было делать судьбоносный выбор. Но тогда во сне баба Валя стояла на балконе, и через стекло не слышно было, что она говорит. Но Лиза и так по-

няла... Затем пять лет молчания — и теперь уже были услышаны определённые слова. В такие предупреждения родных начинают верить даже те скептики, которые смеются над светом в конце тоннеля, знаками в повседневности, подсказками судьбы...

Лиза просыпается в сером вялом свете декабрьского утра, ступает босыми ногами по мягкому ворсу белого ковра, по холодной поверхности линолеума. Садится за стол, ставит перед собой крепкий кофе, пишет жирным маркером на большом листе бумаги “Больше не буду!” и приклеивает скотчем к окну, надписью на улицу. Смеётся над своим детским поступком. Но ещё толком не проснувшись, она была уверена, что баба Валя обязательно увидит ответ. Всё поймёт и простит.

Я знаю, что ты всё видишь. Я помню и люблю.

ИГОРЬ

Из многих более или менее постоянных мест жительства в Минске Лизе ярче всего вспоминается последнее перед приобретением “своего угла”... Начинался пятый курс университета, время, наполненное смелыми надеждами, какими-то непонятными, щемящими предчувствиями необратимой потери чего-то привычного и знакомого. Но они не огорчали, наоборот, как-то опьяняли неудержимым желанием забыть всё то, чему учили...

Вот и поиском жилья на последний курс Лиза не особенно себе жизнь усложняла. Главное сейчас — определиться, устроиться на желанную работу. Не до бытовых удобств! Поэтому на предложение разместиться в квартире с хозяином согласилась. Стандартная пятиэтажка на улице Народной. Третий этаж. Двери старые (ну, и что с того?). Заходя впервые, с удовольствием отметила для себя большую библиотеку, картины... Комната с советскими бумажными обоями, трюмо, скрипучей кроватью несколько её не огорчала. Отдельная, закрывается на ключ. Собственная территория. Дед-пенсионер в первый же день с удовольствием рассказывал о районе, советовал посетить лесопарк, делился воспоминаниями молодости. К тому же подарил сразу значительную часть собственной библиотеки. Поздно вечером вернулся внук, с которым перекинулись парой фраз. Засыпая с “Вишнёвым садом” Чехова в руках, Лиза чувствовала себя довольно уютно...

Через пару дней, потягиваясь утром в постели, Лиза услышала грохот на кухне и крик деда, который ошпарил ногу кипятком. Побежала помогать. Понятно было одно: хозяин держался из последних сил, чтобы не разочаровать новую жилищу, да вот, вошёл в очередной запой. Спички, разбросанные по полу, початая бутылка, невытая посуда... Периодически к старику навещалась дочь, которая жила в том же подъезде. Иногда бранила старика, просила Лизу отдавать деньги за квартиру исключительно ей, чтобы шли на оплату коммунальных услуг, а не на “пойло”... А иногда и сама прельщалась возможностью “посидеть”, вспомнить умершую мать за чаркой — одной, другой, третьей... Посиделки такие могли тянуться до третьего часа ночи.

— Лиза, посмотри на снимок, какая наша мать красавица была! Это в Ялте в отпуске, это на работе. Это я маленькая...

Странно, что на своего сына, который жил с дедом, она особого внимания не обращала. У того не сложилось с работой: днями он спал, поздно вечером уходил гулять до утра.

— Снова со своими наркоманами шлялся? Вот попадёшь в тюрьму, видит Бог, попадёшь!

Не желая перевозить вещи несколько раз в году (ждала ещё заселения в общежитие), Лиза не спешила уезжать, терпела. Да и не такой уж это был дискомфорт. Новых впечатлений хватало. Возвращалась домой только вечером, усталая. Началась заключительная перед защитой диплома практика в гимназии. Да ещё в какой — “мажорной”, с углублённым изучением иностранных языков. Дети послов, юристов международного права... Почти все с крутыми телефонами, планшетами... Как трудно было объяснить то, что

воспеваеся в “Песне про зубра” Микола Гусовского! Или добиться осознания, из-за чего мучается Плачка у Яна Борщевского. Да ничего, справлялись. И смеялись вместе до колик, и серьёзно рассуждали... А ещё был в то время у Лизы “авантюрный роман” с приключениями. А ещё она получила предложение устроиться на интересную работу. А ещё... Пёстрый хоровод событий не давал остановиться и перевести дух хотя бы на минутку. Стоя как-то на старом мосту, что перерезает Партизанский проспект, и вдыхая воздух вечернего Минска, Лиза поймала себя на мысли, что ничего менять в жизни не хочет... Даже если ночью просыпалась от грохота в дверь комнаты с требованием поговорить... Даже если перекрывала под утро газ или воду, что оставили открытыми гости хозяйна после посиделок. Она жила с каким-то счастливым философским осознанием, что всё временное, всё проходит, нужно обязательно вобрать в себя все краски и звуки, что предлагает жизнь здесь и сейчас...

Но, к сожалению, проходит и это счастливое осознание. С приближением зимы Лиза возвращалась вечером домой разочарованная, опустошённая... Тот, для кого она рисковала, кому позволила открыть заветные тайны, не оправдал её надежд. Банальное желание приключений, осколки красивого стекла... Бытовая усталость также сказывалась всё больше. Что дальше? Вглядываясь в свет редких фонарей, Лиза спасалась тем, что вспоминала времена детства, когда очень любила гулять в сумерках, в которых таились чудеса.

И вдруг заметила на ступеньках аптеки грязного человека в поношенной одежде, который стонал, зажимая ладонью, видимо, пораненное плечо. Лиза решительно подошла к бедолаге. Присела на корточки, внимательно посмотрела в глаза.

— Вам помочь?

Он промычал что-то в ответ. Тогда она перехватила и разжала грязные руки незнакомца, начала осматривать рану. Поняв, что дело серьёзное, быстро забежала в аптеку, купила бинт, антисептик. Незнакомец притих. Он не верил в то, что происходит. Вдруг стал заикаться, бросая короткие фразы:

— Я сам дальше... Спасибо... Не надо. Спасибо... Я не божж. Я не разный. Я тренером работал. Прости...

Лиза видела, что “пациент” её действительно не похож на тех, кто постоянно живёт на улице. И такая трагедия читалось в его глазах, что просто уйти было невозможно. Поэтому, закончив бинтовать рану, она помогла незнакомцу подняться и предложила присесть на ближайшую скамейку. Тяжело дыша, Игорь (они познакомились) потихоньку разговорился:

— Я не всегда был таким... Я детей боксу учил, жил в Заславле. Семья была, жена, сын маленький. Я всё для них делал... А она за нос меня водила. Когда я узнал о любовнике, пришлось уйти... Думал к тётке в Молдавию ехать. Да вот, здесь дружки уличные появились... Прости, прости. Зачем тебе это слушать?

— А выход какой есть?

— Есть! Я не законченный алкаш. Я работать могу. Только чтобы крыша над головой была... На завод пойду, там общежитие дают...

— Вот и хватайся за этот шанс! — убеждённо поддержала Лиза. — Многих предают, многих “кидают”! Не в петлю же лезть?

— Прости... — бормотал Игорь. — Дай мне телефон свой... Я тебе деньги за лекарства отдать должен.

Лиза отказывалась от денег, а номер дала, только чтобы отстал...

После этого случая собственная боль стала затихать. Конечно, не всё забылось, не всё устроилось. Просто обман близкого друга стал казаться мелким, незначительным.

Лиза работала, ходила на практику к школьникам, знакомилась с новыми людьми. Звонка Игоря она, конечно, не ждала. Но однажды о позвонил.

— Привет! Лиза, это Игорь. Ну, грязный дядька у аптеки... Деньги хочешь вернуть. И просто встретиться.

Встретиться договорились возле станции метро. Игорь был побритый, постриженный, чисто одетый, в руках держал небольшой букет:

— Это тебе. И деньги — вот. Может, прогуляемся?

Они гуляли часа два. Разговаривать было легко. Игорь рассказывал много личного. Лиза тоже рассказала... Искренность рождает искренность. На прощание Игорь попросил:

— Можно я тебе звонить буду? Чтобы легче было. Не подумай плохого, я не маньяк какой-то. Просто поговорить с хорошим человеком хочется. Со спасительницей...

Игорь действительно стал ей звонить. Несколько раз они даже ходили в кафе, смеялись, горевали.

Это была история искренней, неожиданной дружбы. А потом Игорь всё же уехал к тётке в Молдавию. Пишет в соцсетях, присылает фотографии.

Иногда Лиза думает, что какой-то высший режиссёр послал ей Игоря в тот вечер, чтобы показать, как бывает, как может быть. Ведь если он смог выпутаться, сдержал слово, то нечего придумывать и себе оправдания...

“Люди, как корабли”, — звучит в песне погибшего музыканта Андрея Кузьменко. Это любимая песня Игоря.

Люди, действительно, как корабли. И если кто-то набирает полные трюмы воды, нужно не дать ему пойти на дно.

Лиза сейчас не хочет забывать о том, чему её учили люди. В тесных коридорах факультета, в знакомых задымленных стенах студенческих баров, на крышах многоэтажек под переменчивыми звёздами... Они часть того великого океана, что скрывает тайны, соединяет судьбы.

Все не случайные.